

Из жадного завистника импресарио не выйдем

Когда никому еще не известная компания «Ардани» в начале 90-х привезла в Москву американский балет «Момикс», событие запомнили все. Балетоманов потрясли «экологически чистые» танцы. Зевая — живая корова, всю неделю благодушно мычавшая у входа в театр. Идея гастролей «Момикса» принадлежала **СЕРГЕЮ ДАНИЛЯНУ**. Теперь он работает в США: прокатывает там Театр балета Эйфмана, балетные труппы Большого и Мариинки.

Беседовала Наталья Зимянина

— Я еще и в Москве успел сделать два проекта с Мариинским и Большим театрами. Помните, Диана Вишнева выступила тогда на сцене Большого в «Дон Кихоте» — ей было всего 20 лет. В тот же год Ульяна Лопаткина станцевала в «Баядерке» Большого театра с Игорем Зеленским. Будучи уже всемирно известным артистом, он, представьте, впервые танцевал на сцене Большого. Я горжусь, что фактически после этого возобновилось сотрудничество между двумя крупнейшими балетными труппами.

— А как же это вы в Америке потом оказались?

— В 1994-м мы с женой Гаяне открыли офис в Нью-Йорке и попробовали там работать. Первым успехом стал фестиваль памяти Дягилева.

— Вы называете себя импресарио или продюсером?

— Вообще-то я импресарио, но в ряде проектов выступаю и в роли продюсера — то есть, вкладываю средства, раскручиваю. Мои американские коллеги занимаются менеджментом в основном как агенты — то есть перепродают артистов в исполнительские центры. Причем все кому не лень. А я люблю чувство риска, дающего осязаемый результат.

— Но вы же где-то учились?

— В ГИТИСе. Работал в Ленкоме, потом в Международной конфедерации театральных союзов... Боже мой, представьте момент, когда я вдруг впервые лично столкнулся с Антуаном Витезом, Арианой Мнушкиной, Петером Штайном, Питером Бруком...

— Ну и как рядом с великими — не тушевались?

— Меня больше смущало, что надо было, например, организовать машину Штайну, чтобы он мог самостоятельно передвигаться по Москве. А это же 85-й год! Механизма аренды машин не было. А что за условия были в гостинице «Россия» в 1985 году? Советские такие... Только сейчас мы стали понимать все значение комфорта, бытовых мелочей. Но если смотреть с профессиональной точки зрения, сам наш театр в те годы был на большой высоте.

— Итак, с гениями вам работать легко?

— Главное — знать психологию взаимоотношений. С одной стороны — творческая личность, часто даже выдающаяся. С другой — я, человек, всего лишь организующий процесс. Мне повезло, что я это понял уже в Ленкоме. Было у кого поучиться. Мне помогли определиться с ориентирами в профессии и Захаров, и Пельтцер, и Леонов, и Ларионов, и Янковский, и Караченцов.

— Почему вы все-таки так сконцентрированы на балете? Сейчас читаю дневники Рихтера, он называет это искусством «ничтожным».

— Драматический театр связан со словом. Танец же доступен самой широкой аудитории. Плотное это искусство молодых и красивых. Плюс ритм, музыка, костюмы, декорации... Я для себя ориентиром держу эпоху «Русских сезонов», которые в начале XX века произвели революцию в культурном сознании Европы, а потом и Америки. Никогда больше танец не совершал такого переворота в живописи, архитектуре, сценографии.

— Какое качество спектакля определяет его выбор для проката? Зрелищность все-таки?

— Смешно, но у меня выбор небольшой. Я изначально поставил очень высокую планку. После Эйфмана можно вести только Большой и Мариинку. Готовились долго — 2 года. И вот провели гастролы Большого театра. Все традиционное, григоровичское — «Лебединое», «Баядерка», «Шелкунчик». Ничего сверхъестественного, кроме... успеха! Блестящее поколение, сформировавшееся за 10–12 лет: Грачева, Степаненко, Антоничева, Уваров, Филин, Белоголовцев. Хотя, увы, может быть, сейчас уже и не лучшее время их карьеры.

— А Цискаридзе?

— Коля вообще один такой... Сегодня, работая с Мариинкой, я вижу явную разницу поколений. В Мариинке я насчитал восемь Никий! И Махалина еще станцует! И Асылмуратова будет замечательная! Сравнение, увы, не в пользу Большого. Но надо же сотрудничать! К счастью, Цискаридзе ездит танцевать в Мариинку; Захарова, наоборот, как вы помните, блистала в Большом в «Жизели». И Диана должна на сцене Большого танцевать. Они же все такие разные... Вы знаете, работая с Большим — а это было 130 человек народу, — я снова понял, как важна психология. Американцы ехидно предупреждали меня: Большой из тебя всю кровь выпьет! Ничего подобного: для меня это были восемь недель удовольствия. Я вдруг почувствовал, в чем они больше всего нуждались.

— И в чем же?

— В искренности, в теплоте. И я был рад оказывать им какие-то услуги, возможность которых они только предполагали. Не из области капризов, конечно. Капризов не было вообще.

— Каковы были итоги этих гастролей?

— За 8 недель артисты Большого дали 45 спектаклей, которые посмотрели 150 тысяч зрителей. Театр получил свыше миллиона долларов.

— Театр или артисты?

— Ведущие солисты Большого, работающие под его маркой, и в России, и за рубежом получают одинаково. Зная это, я каждой паре солистов предоставил возможность выступить дважды в неделю. Ведь в России что? Норма у солиста в Большом — 12 спектаклей в год. Поэтому когда мне начальники Большого те-

Сергей Данилян с артистами балета Большого театра Надеждой Грачевой, Марией Аллаш, Андреем Уваровым, Анной Антоничевой и Марией Александровой

атра рассказывают, что солистам гастролы не нужны, потому что они одинаково получают и там, и там, мне ничего не остается, как рот открыть от удивления. Да еще уттите, что Америку читает весь мир. Если артист не появился в Нью-Йорке — считайте, он вообще еще не появился. Нью-Йорк — лакмусовая бумажка. Успех тут может выиграть карьеру. Стоило Кате Соловьевой из Мариинки засветиться в постановке «Богемы» База Лурманна на Бродвее — и она уже звезда. А скольким русским певцам благодаря личной репутации Гергиева удается выступать на лучших оперных сценах!

Сегодняшнее поколение артистов Большого театра оказалось не в лучшем положении из-за объективно сложившихся условий в самом театре. Мне важно было получить хорошую прессу — и на 90 процентов она была позитивной.

— Кстати о прессе. Насколько продажны американские журналисты?

— Меня Господь уберет от необходимости в таких отношениях. В моих правилах устраивать пресс-коктейль. Так было в России, так и в Америке. На него приходят и друзья, и недруги тоже. Мне кажется важным, чтобы все пообщались. Чтобы Эйфман, например, мог объяснить что-то, чего он недосказал в спектакле. Чтобы он впрямую, глаза в глаза, услышал, что думают о его творчестве знающие люди, которым предстоит ответственно о нем писать. И даже в случае нелицеприятных рецензий и оценок я никогда не позволяю себе высказывать личное неудовольствие.

— Одна из проблем в Москве — аккредитация на дорогостоящие концерты. Вы пускаете журналистов бесплатно? Билет оплачивает редакция?

— В каждом крупном городе Америки работают наши пресс-агенты. Каждый мой пресс-агент знает, что в театре изначально аккредитованы все издания данного города. Не может такого быть — чтобы пришел журналист, а ему не дали билет. Я вам приведу оптимальный пример. В Нью-Йорке в Сити-центре каждое издание имеет свое конкретное место. Я вообще этим не занимаюсь — это работа моего пресс-агента. Если критик не приходит — место в последний момент может поступить в мое распоряжение. Это просто часть профессиональной работы. Иначе невозможно. И мы никаким боком не имеем права оказывать давление на журналиста. Во время спектакля всегда отводится пресс-комната, где критики могут выпить чай, кофе, задать, может быть, более мелкие или частные вопросы, чем это уместно на пресс-конференции. Таких вопросов всегда куча! Моя задача — как можно тоньше чувствовать настроение в этой комнате, как можно точнее отвечать на вопросы, от которых многое зависит. В конце концов и настроение тоже. А твое неправильное поведение вообще может все погубить.

— Сергей, существует ли негласная корпорация представителей сексуальных меньшинств, продвигающая своих агентов? Короче, голубая мафия?

— Мне трудно судить, потому что я люблю женщин. Но я приведу пример. Один популярный американский журналист так был потрясен «Чайковским», что долго брал интервью у Эйфмана, всю душу из него вынул, даже бумаги все свои забыл, уходя. Организовали солидную фотосессию, все честь по чести. И что же? Он узнал, что Эйфман — вполне нормальный мужчина, и материал не вышел! А вот вам другая история. Известный нью-йоркский гомосексуалист заявил: «Так тонко представить Чайковского мог только настоящий мужчина!».

— Что вам интересно в американской культуре? Нам бы вы что оттуда привезли?

— В целом культурная ситуация здесь не такая уж благоприятная. Привез бы, может, афроамериканскую труппу Алвина Эйли, она оригинальная. Остальное все не в лучшей фор-

ме. Начиная с Американского Театра балета. Хотя его укрепили Ирина Дворовенко, Нина Ананишвили. А испано-кубинско-аргентинских мальчиков здесь уже так много, что кто-то в шутку предложил переименовать театр в «Латино-Америкэн». Только что к новичкам присоединилась Вероника Парт из Мариинки. Кстати, не успела прийти — уже испытывает на себе острые взгляды американских коллег...

— А драмы интересной в Америке нет совсем?

— Есть, но этот жанр меня пока путает. Он связан с языковым барьером. Но увидеть, скажем, «Чайку» с Мэрил Стрип, которую тут бесплатно показывали в Центральном парке Нью-Йорка, наверное, захотели бы все. Есть спектакли, где играет Аль Пачино... Но мне почему-то кажется, что на русского театрала в таких случаях всегда будет оказывать ненужное давление кинематографическая звездность артиста.

— Ты есть нам вы ничего не везете.

— Мы очень напряженно работаем. В этом году предстоят 10 недель театра Эйфмана и 6 недель балета Мариинки. Это же 80 спектаклей! Я только что подписал контракт с крупной российской компанией «Базовый элемент» Олега Дерипаски — она взяла на себя официальное спонсорство над американским туром балета Мариинского театра. И в довершение мы договорились с известным искусствоведом и почитателем балета Вадимом Гаевским об издании трех книг-альбомов (здесь есть понятие coffee-table book) о Диане Вишневой, Ульяне Лопаткиной и Светлане Захаровой, скорее всего, с презентацией во время турне.

— Какие русские имена в Америке сейчас считаются знаковыми?

— Гергиев здесь на первом месте. Васильев и Максимова. Григорович. Барышников. Макарова. Баланчин — просто национальный герой... Я очень рад, что сегодня впервые за всю историю нью-йоркского балета на постановку к 100-летию Баланчина приглашен наш земляк Борис Эйфман. Это беспрецедентно.

— Как вы думаете, почему в России так скромно отметили юбилей Эйфмана?

— Не знаю. Мы тут отметили очень достойно. В Нью-Йорке провели фактически его фестиваль. Хотя в Америке с Эйфманом тоже не сразу все получилось. Всем же хотелось очередное «Лебединое озеро». И никто не желал раскручивать балет «Чайковский» и объяснять, что это такое. Но фамилия Чайковский для Америки, к счастью, тоже знаковая. Вы знаете, что есть американцы, которые считают, что это американский композитор! А его «Шелкунчик» не звучит разве что в самой глухой деревне.

— У вас есть ученики?

— В ГИТИСе, на отделении менеджмента, нас жутко грузили высшей математикой, политэкономией СССР тогда еще! А научиться моей профессии можно только в работе. Я учредил грант для студентов нашего отделения в нынешней Российской Академии театрального искусства для стажировки в Америке. Надеюсь, студентка 4-го курса Екатерина Рыжова за десять недель и навыки приобретет, и диплом напишет о правовом регулировании в области исполнительского искусства в России и США.

— Ваши советы и предостережения молодым коллегам по профессии?

Я, конечно, не доктор... Но мне кажется, надо стараться быть очень тонким психологом. Сочетать в себе романтическое начало и трезвый рациональный ум. Нельзя быть жадным. Завистливым и выскочкой. И всегда помнить, что не артисты для тебя, а ты для них.

О характерах Дианы Вишневой, Ульяны Лопаткиной и Николая Цискаридзе Сергей Данилян знает не понаслышке